

## 6.1. Социально-топографическое и планировочное развитие замковых частей Полоцка в XIV–XVIII вв.

(Д. В. Дук)

Полоцк в XVI–XVIII вв. пережил разные этапы политического и социально-экономического развития. За это время из крупнейшего города ВКЛ, центра наместничества (1392–1504 гг.) и воеводства (1504–1772 гг.), он в результате административно-территориальных реформ конца XVIII в., превратился в уездный город в составе Российской Империи. В 1772 г. Полоцк становится административным центром провинции в составе Псковской губернии, с 1776 г. – губернским городом, с 1778 по 1796 г. Полоцк являлся центром наместничества, после чего превратился в уездный город сначала Белорусской, а после 1802 г. Витебской губернии [Полоцк: ист. очерк, 1987, с. 77].

В исторической литературе площадь Полоцка в это время обозначена равной: в XVII в. – 200 га, в XVIII в. – 112 га (с учетом только территории правобережного Полоцка) [Полоцк: ист. очерк, 1987, с. 79; Тарасаў, 1998а, с. 95–96]. Первый расчет сделан исходя из наличия культурного слоя за пределами паркана, второй – основан на картографических документах, которые фиксируют застройку за пределами паркана в конце XVIII в. Причем к востоку от Великого посада площадь этой застройки была равна собственно площади посада (рис. 4). Сегодня можно утверждать, что определенная застройка существовала и «на венце» р. Двина, как это указано в письменных источниках. Также культурный слой XVII–XVIII вв. обнаружен за пределами паркана в северо-восточной части Великого посада и на неширокой (до 150 м) полосе вдоль р. Двины, на месте древних поселений за р. Полота. Однако присутствие застройки и этого времени ее характер за редким исключением не определены. Таким образом, в XVII–XVIII вв. площадь Полоцка составляла около 250 га.

Основную часть городской территории образовывали посады, суммарная площадь Верхнего и Нижнего замков не превышала 13 га (рис. 57: 2, 3). Определенные колебания в сторону сокращения площади Полоцка происходили в XVI в. за счет территорий Заполотского и Великого посадов. Численность населения города в это время также изменялась довольно существенно. По подсчетам историков В. А. Воронина, З. Ю. Копысского, С. В. Тарасова в Полоцке в первой половине XVI в. жило от 11 до 50 тыс. человек [Варонін, 2000, с. 30], более 10 тыс. человек составляло население города в первой половине XVII в. [Шайкоў, 1996, с. 147]; 700 человек осталось во

время военного лихолетия 1654 г. [Сагановіч, 1995, с. 130]; в 30–40-е годы XVIII в. в Полоцке проживало примерно 3–4 тыс. человек [Полоцк: ист. очерк, 1987, с. 60]; по данным 1792 г. в городе проживало 2195 человек (из них купцов было 168 христиан и 135 евреев, мещан – 1130 христиан и 1065 евреев) [Вуглік, 2010, № 7, с. 195]. В 1805 г. численность городского населения составляла 2991 человек [Географический словарь Российского государства, 1805, ч. 4, отд. 1, с. 1238]. Данные по населению города, вероятно, не учитывали лиц женского пола, поэтому в соответствии с ревизиями 1786 и 1796 г. А. М. Лютый приводит соответствующие цифры в 5326 и 5622 человека [Лютый, 1987, с. 31].

При подсчетах количества населения в XVIII в. не был учтен тот факт, что в городе на строительстве многочисленных монументальных объектов было задействовано большое количество людей. Некоторое время они, независимо от происхождения из той или иной местности, безусловно, проживали в Полоцке. К тому же надо учесть торговцев и крестьян полоцкой округи, которые постоянно посещали город в течение разного времени. Таким образом, реальное количество людей, которые временно и постоянно проживали в Полоцке в XVIII в., было значительно больше и могло достигать 8–10 тыс. человек.

Источником пополнения городского населения являлась в первую очередь сельская округа. Так было издавна, по крайней мере, ассортимент вещей, найденных в Полоцке в слоях X–XIII вв., в основной массе типичен и для сельской округи. Первые косвенные сведения о происхождении городского населения из ближайшей полоцкой округи можно найти в письменных источниках второй половины XV – XVI в. Так, фамилии некоторых полочан тождественны названиям населенных пунктов уезда и воеводства (Заскорки, Кублицкие, Полупяты, Росицы, Селявы и пр.). Местное происхождение погребенных на полоцких кладбищах в XVII–XVIII вв. людей подтверждают и данные антропологической экспертизы.

В XVI–XVIII вв. в Полоцке проживали евреи, татары, «москвиты» (выходцы из московского государства), немцы, венгры, поляки и другие из числа военных и ремесленников, которые на определенное время попадали в Полоцк. Так, в 1599 г. Лев Сапега сообщал Кристофу Радзивиллу, что среди жителей Полоцка была значительная часть «москвитов», которые остались в Полоцке после 1579 г. [Полоцк: ист. очерк, 1987, с. 46].

Наиболее многочисленной была еврейская община. Достоверных данных о ее количественном составе в XVI–XVII вв. нет, однако можно согласиться с мнением о двухпроцентном составе еврейского населения в Полоцке и других городах Белорусского Подвинья применительно ко всем горожанам [Марзалюк, 2007, с. 46]. В течение XVIII в. количество евреев в городах Беларуси возросло, однако не превышало 25% общего числа горожан, в основном это касалось западного региона Беларуси. После присоединения Полоцка к Российской империи и введения границы оседлости количество евреев в Полоцке резко возросло. На 1 сентября 1801 г. в Полоцке проживало 1859 мещан-христиан и 1978 мещан-евреев, среди купцов хри-

стиан и евреев 349 и 44 соответственно [Марзалюк, 2007, с. 47, 60]. По данным 1805 г., количество евреев составляло 1151 человек из общего числа 2991 жителя Полоцка [Географический словарь Российского государства, 1805, ч. 4, отд. 1, с. 1238].

В 1522 г. татары-«казачи» получили земельные наделы в Полоцке [Любавский, 1892, с. 532]. Однако татарское население не фиксируется в известных инвентарях и ревизиях XVI–XVIII вв., потому, достоверно, его количество было незначительным и существенно не повлияло на демографическую и этноконфессиональную структуру Полоцка.

Сотенная структура организации посадского населения отражена в письменных источниках XVI–XVII вв. Так, Полоцкая ревизия 1552 г. упоминает мещанские десятки и сотни (и должностных лиц – десятников и сотников соответственно) [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 1, 2, 6, 10]. Согласно постановлению от 1638 г., строительство нового городского парка должны были «пилновати сотники, поручники и десятники» [АСД, 1867, т. 1, с. 309]. При этом отдельно оговаривалось, что каждому владельцу городского «пляца» или его части точно определялось место и размер участка строящейся стены. Сотники и десятники упоминаются и в источниках середины XVII в. вместе с городскими шафарами и сборщиками, какие все «одноколвекъ приходъ и расходъ мескихъ денег въ рукахъ своихъ мели» [ИЮМ, 1874, вып. 5, с. 253].

В XV в. по отношению к белорусским городам закрепляется название «место», отсюда происходит и название жителей городов – «мещане». Термин «город» изредка фиксируется в письменных источниках и означает только укрепленную часть города – детинец (замок). Термины «место» и «мещане» подчеркивают ведущую роль торгово-ремесленного населения в социально-экономическом развитии белорусских городов.

**Верхний замок.** В XIV в. в Полоцке происходит существенное изменение планировочной структуры, что было связано с вхождением города в состав ВКЛ (после 1307 г.) [Варонін, 2009, с. 30–40]. Древний сакральный и административно-церемониальный центр на Черной (Замковой) горе приобретает функции детинца. После возведения в 1563 г. московскими стрельцами Нижнего замка Черная (Замковая) гора начинает именоваться Верхним замком. К этому времени административный центр магдебургского города (полоцкая ратуша) был обустроен на Великом посаде.

Согласно А. Н. Левданскому и Н. М. Тихомирову, после переноса детинца на Верхний замок на полоцком городище продолжало существовать поселение, которое определяется как «особый княжеский двор» [Тихомиров, 1956, с. 26]. Что касается Верхнего замка Полоцка, то следы деятельности княжеской администрации фиксируются по наличию неподалеку от Софийского собора храма (Архангела Михаила ?) и терема. Эти памятники монументального зодчества обнаружены археологически, сведения о них в письменных источниках отсутствуют. По мнению П. А. Раппопорта, церковь и терем построены во второй половине XII в. [Раппопорт, 1980, № 3].

Однако, способ обустройства фундамента терема определяет время его строительства XIV в. – после того, как образовался «мощный культурный слой XII–XIII вв.». Размер кирпича приближен к брусковому, хорошо известному в Полоцке по находкам в Экимани и Заполотье. Таким образом, терем из кирпича и деревянную пристройку возле него можно датировать не ранее XIV в.

Можно согласиться с мнением о принадлежности терема в XIV–XVI вв. к комплексу княжеского двора. Однако не исключено и другое. Терема на Руси обнаружены в Переяславле, Чернигове, Смоленске, Гродно, но они не всегда принадлежали князю, нередко – епископу [Трусаў, 1993, с. 19; Ручко, 2001, с. 89].

Деятельность епископа на Верхнем замке прослеживается в первую очередь по письменным (локализация в XIV–XVII вв. епископского двора<sup>6</sup>) и археологическим (открытие в 1980 г. жилого деревянного дома XIV–XV вв. непосредственно около Софийского собора) источникам [Тарасаў, 1998а, с. 68–70].

Процесс переноса детинца на Верхний замок можно реконструировать следующим образом. После «смутного» для Полоцка периода теократической власти, где-то после 1326 г., когда был посажен на княжение брат Гедимина Воин [Варонін, 2009, с. 30–40], детинец на городище прекратил свое существование, через несколько веков городище было окончательно заброшено и превратилось в городское кладбище.

Таким образом, Верхний замок, древний сакральный и административно-церемониальный центр, являлся полоцким детинцем в XIV – начале XVI в. Верхний замок после 1326 г. мог быть местом проживания князя. Позже, с 1392 г., на Верхнем замке располагался двор княжеского наместника, с 1504 г. – воеводы. На протяжении XIV–XVIII вв. на Верхнем замке проживали владыка, бояре (шляхта) и мещане, в Замке размещался ряд монастырей и Софийский собор.

Основную часть Замковой горы занимали монастыри. Троицкий монастырь упоминается в Полоцких грамотах [1982, вып. 4, с. 165] и в Полоцкой ревизии 1552 г. [1905, с. 174], возможно, монастырь «вырос» из каменной пристройки Софийского собора [Тарасаў, 1998а, с. 81]. В западной части Верхнего замка существовал Воскресенский Мошоночный монастырь (неоднократно упоминаемый в XVI в.) [Витебская старина, 1888, т. V, с. 40, 73; Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 173]. На Верхнем замке находился также монастырь Петра и Павла, основанный в конце XV в. и разрушенный во время Ливонской войны [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 173; Полоцкие грамоты ... , 1978, вып. 1, с. 186]. На его месте в северо-восточной части Верхнего замка иезуиты в XVIII в. возвели костел с одноименным названием [Тарасаў, 1998а, с. 83].

Административный центр города после присвоения Полоцку магдебургского права (1498 г.) и постройки городской ратуши (после 1509 г.) был

<sup>6</sup> Самая ранняя дата – 1309 г.

перенесен на городскую площадь. Примерно со второй трети XVI в. до 1654 г. Верхний замок стал целью многочисленных походов на Полоцк московских войск. На его территории размещались дворы воеводы и социальных элит, сохранялась городская казна и библиотека. Замок, как и раньше, оставался сакральным и административно-церемониальным центром и самой значительной полоцкой крепостью. На его укрепление выделялись основные средства, захват этой фортеции войсками Ивана IV в 1563 г. означал капитуляцию Полоцка.

В середине XVII в. Верхний замок упоминается под названием «великий город» [Витебская старина, 1885, т. IV, с. 273]. Кроме упомянутых выше дворов и культовых построек имеются сведения о расположении на Верхнем замке административных зданий, в которых проводились заседания гродского суда [Галубович, 2007, № 11, с. 12]. Последние, возможно, имели отношение к комплексу воеводского двора.

В XVII в. Верхний замок имел надежную охрану. Гайдуки (сторожа) Верхнего замка проживали, как правило, тут же в своих домах вместе с женами и детьми [Дук, 2007г, с. 229].

**Нижний замок.** В середине XVI в. город претерпел большие топографические изменения, причиной этому стали военные события и захват Полоцка московским войском Ивана IV в 1563–1579 гг. Эти изменения существенным образом повлияли на развитие социотопографической структуры Полоцка в дальнейшем времени. Кроме археологических, сохранился большой комплекс письменных источников, которые всесторонне характеризуют этот процесс как со стороны московских летописцев, так и из администрации Стефана Батория. Подробные сведения о целях и реализации процесса обустройства Полоцка записаны в «Книге полоцкого похода 1563 г.» [2004]. Изменения в топографической структуре города в это время выглядят следующим образом.

В 1563 г. московскими стрельцами был построен Нижний замок. Великий посад в 1563–1579 гг. представлял собой незаселенное пожарище, так как его фортификационная функция в 1563 г. себя не оправдала, и Иван IV не считал нужным возобновлять его [Гейденштейн, 1889, с. 56].

Кроме того, было приказано восстановить Заполотский посад и переселить туда всех мещан. Заполотье было окружено деревянной стеной с валом. Местному населению, как и прибывшему из других городов ВКЛ, было запрещено селиться на территории обоих замков. Доступ для посещения Софийского собора был разрешен «литовским и земским людям, бурмистрам» только в большие праздники и по небольшому количеству человек. Стрельцам было приказано делать постоянные рейды по посадской территории: «Воеводам Захарье и князю Давыду в остроге быти и дела царя и великого князя беречи и по острогу еженочей голов от себя посылати и самим того еженочей назирати» [Книга полоцкого похода 1563 г., 2004, с. 72].

В 1579 г., во время осады Полоцка войсками Стефана Батория, московские войска расположились в Верхнем замке, а «город» (Заполотский посад) выгорел [Гейденштейн, 1889, с. 58].

Таким образом, Великий посад представлял собой незаселенное пожарище с 1563 по 1579 г. Заполотский посад после взятия Полоцка Стефаном Баторием в 1579 г., по свидетельству Р. Гейденштейна, был опасной территорией, поскольку, кроме пожарища, здесь располагались кладбища, «клоаки и другие грязные места», к тому же венгры из состава королевского войска возвели на бывшем посаде шанцы (оборонительные укрепления полевого лагеря) [Гейденштейн, 1889, с. 58].

Восстановление обоих посадов заняло не один год, поскольку инвентарь имущества полоцкого архиепископа за 1580 г. засвидетельствовал на Великом посаде только одну ул. Плиговскую, около которой располагалось одиннадцать незаселенных пляцев [LVIA, f. 599, ар. 1, b. 3, l. 180]. Более чем через полвека (в 1633 г.) упоминаются только крепостные укрепления Заполотского посада, что само по себе говорит о приоритетах в застройке того времени [АСД, 1867, т. 1, с. 271–272].

Таким образом, основное предназначение Нижнего замка – защита гарнизона стрельцов – себя не оправдало уже в 1579 г. Как известно, штурм Полоцка в 1579 г. произошел с противоположной стороны, и под удар попал Верхний замок. После его захвата удержание Нижнего замка становилось бесперспективным [Гейденштейн, 1889].

Фортификационная функция Нижнего замка была значительно слабее Верхнего замка. Окончательно оборонительную функцию Нижний замок потерял в начале XVIII в. и с того времени стал местом жительства маргинальной части населения Полоцка [Дук, 2007д, № 11, с. 31].